

Дорогая Ханна!

Что ты сейчас пишешь?

Полагаю, ты уже начала новый роман. Если же нет, то считай мое письмо тонким намеком от поклонника. Да, теперь у тебя есть поклонники, друг мой, и они отчаянно нуждаются в следующей книге Ханны Тайгон. Пересфразируя Человека-паука: «С большой аудиторией приходит большая ответственность»¹.

А если серьезно, вчера увидел экземпляр «Невероятной страны» в книжном на углу. Магазины назывался «Ладья». Хипстерское местечко, где вместе с книгой можно приобрести латте на соевом молоке с куркумой и зерновой батончик. Ну неважно, главное, что твои книги можно встретить в американских магазинах, если тебе интересно. Прикладываю фото полки с новинками. Я даже приобрел себе томик, только ради того, чтобы похвастаться кассирше, что знаю автора! Кажется, ее это впечатлило. По крайней мере, мне послышалась нотка восхищения в ее голосе, когда она спросила, нужен ли мне пакет.

Мне очень жаль, что я не смог приехать в Нью-Йорк, когда ты была там на гастролях. Было бы замечательно встретиться после стольких лет переписки. Собираюсь через пару месяцев все исправить и пересечь океан, если, конечно, ты сама не соберешься в Штаты. Может, если действие твоей книги будет разворачиваться у нас, совершишь исследовательскую поездку? Хотя есть нечто особенное в дружбе, основанной только на любви к словам и подкрепляемой обменом ими же.

¹ «С большой силой приходит большая ответственность» — культовая реплика дяди Бена из франшизы «Человек-паук».

Что касается твоих вопросов о моей книге: я провел пятницу в библиотеке. Написал тысячу слов и стер пятнадцать сотен. В любом случае — если уж и страдать от отсутствия вдохновения, то в Бостонской публичной библиотеке. Муза моя изображает недоτροгу, и я надеялся, что новое место поможет растопить ее сердце. Библиотека действительно впечатляет — того только стоит потолок в читальном зале. Боюсь, я слишком много времени его разглядывал. Интересно, сколько раздосадованных писателей до меня считали эти декоративные карнизы? Возможно, Эмерсон или Олкотт бездумно рассматривали ту же самую лепнину или ее эквивалент в первой инкарнации библиотеки, когда она еще располагалась на Бойлстон-стрит. Мысль об этом меня успокаивает.

Что же, жду новостей о твоём новом проекте. Как всегда, готов читать новые главы по мере их написания и высылать отзывы, если это необходимо. По крайней мере, займусь тем-то полезным, пока не вылезу из своей ямы, да и кто знает, вдруг заражусь твоей продуктивностью?! А там уже и я буду высылать тебе свои главы.

С уважением и так далее
Лео

2-й этаж 2-й этаж 2-й этаж 2-й этаж
1-й этаж 1-й этаж 1-й этаж 1-й этаж
1-й этаж 1-й этаж 1-й этаж 1-й этаж
1-й этаж 1-й этаж 1-й этаж 1-й этаж

Дима

Глава ПЕРВАЯ

миф
эпопея

Семья Леонова

Писать книгу в Бостонской публичной библиотеке было ошибкой. Она оказалась слишком великолепной. Можно провести часы, просто разглядывая потолок в читальном зале. А ведь мало кто может писать книги задрав голову. Потолок же, казалось, во всех смыслах смотрел свысока, осуждая. Дразнил архитектурным совершенством, которого нельзя было достичь, бездумно расставляя друг за другом слова. Хотелось начинать с огромных арок, возвести великолепный фундамент и после добавить деталей — сотворить нечто зрелищное, симметричное, целостное. К сожалению, я пишу не так.

Я кладу кирпичики безо всяких чертежей, складываю слова в предложения, а те — в абзацы, позволяя стенам своего творения своевольно изгибаться и выворачиваться. У меня нет фундамента, лишь кирпичи, из которых складывается произведение. С самого начала я не знаю, что строю и будет ли оно крепко стоять.

Возможно, мне стоит работать в автобусе. Это больше подходит моему рабочему процессу. Ведь у меня есть некое направление, маршрут, но кто входит и выходит — определяется запутанным сочетанием привычек, времени и случайностей. Всегда есть вероятность, что маршрут изменят в последнюю минуту — из-за погоды или аварии, парада или марафона. Нет никакой симметрии и никакого плана, лишь хаотичность человеческой жизни.

И все же у потолков есть кое-что, чего нет у автобусов, и это чудесная возвышенная перспектива. Наверняка они повидали многих писателей. Но видят ли еще одного прямо сейчас? Или для них я лишь женщина в библиотеке с чистым листом бумаги на столе?

Возможно, все же стоит отвлечься от потолка и что-нибудь написать.

С трудом я отвожу взгляд. Лампы с зелеными абажурами рисуют на столах мягкие овалы света, очерчивая личные территории в общем зале. Словно говоря: располагайся как угодно, но будь добр, оставайся под светом своей лампы. Я сижу на краю одного из дюжины столов, что ровными рядами расставлены по комнате. Мое место почти в центре, так что, куда бы я ни бросила взгляд, всюду были видны зеленые лампы и склоненные над книгами головы. Вот девушка по соседству со мной сняла куртку и обнажила руки, полностью забитые татуировками. У меня самой татуировок нет, но они меня восхищают. История жизни, навсегда вписанная в ее кожу... Она сама словно книга. Узоры, портреты и слова. Мантры о любви и силе. Насколько они выдуманы? Что бы рассказала я, если бы решилась написать собственную историю на теле? Девушка читает Фрейд. А ведь студент факультета психологии — это отличный протагонист для триллера. Именно студент, а не эксперт.

Экспертами читатели проникаются хуже, их знания и статус слишком отличают их от обычного человека. Я пишу «студент психологии» на чистом листе своей записной книжки и заключаю слова в рамку. Ну что же, будем считать, в автобус я зашла. Бог знает, куда он меня привезет, — я запрыгнула в первый попавшийся.

Под рамочкой я оставляю заметки о ее татуировках, стараясь разглядывать их не слишком заметно.

Напротив меня сидит молодой человек в джемпере юридического факультета Гарварда. У него классическая внешность — широкие плечи, сильная челюсть, ямочка на подбородке, — словно он оживший герой старых мультфильмов. Уже минут десять он пялится на одну и ту же страницу раскрытого тома. Возможно, он запоминает текст... или пытается не смотреть на девушку слева от меня. Интересно, кем они приходятся друг другу? Может, бывшие любовники? А вдруг он страдает от безответных чувств, а девушке все равно?

Или даже наоборот — что, если она преследует его по пятам? Наблюдает за ним поверх томика Фрейда? Подозревает его в чем-то? Он и правда выглядит измученным... Возможно, виной? Он бросает взгляд на наручные часы — «ролекс» или очень хорошая реплика.

Слева от Героического Подбородка сидит еще один человек, все еще молодой, но уже не юный. На нем спортивная куртка поверх рубашки и джемпера. Я смотрю на него с особой осторожностью, потому что он невероятно красив. Темные волосы, черные глаза, широкие брови. Главное, не встретиться с ним взглядом, иначе он решит, что я на него пялюсь. А у меня чисто научный интерес... ладно, может, не совсем. Но по большей части я размышляю, что он может привнести в историю.

Он работает за ноутбуком, иногда замирая и глядя в экран, а затем снова стремительно печатая. Боже мой, ужели он тоже писатель?

В читальном зале есть и другие люди, но для меня они лишь тени. Пока я пытаюсь перенести на страницу этих троих. Некоторое время я пишу... в основном сценарии. Как Девушка с Фрейдом, Героический Подбородок и Красавчик могут быть связаны? Любовные треугольники, бизнес-партнерства, детские дружбы. Может, Красавчик — это кинозвезда, Героический Подбородок — его фанат, а Девушка с Фрейдом — верная телохранительница? Сценарии становятся все более смешными, и я невольно улыбаюсь, поднимая взгляд и встречаюсь с глазами Красавчика. Он выглядит удивленным и смущенным, и я, наверное, тоже, потому что испытываю точно такие же эмоции. Открываю рот, чтобы объяснить — я простой писатель, никаких грязных намерений, но это же читальный зал, здесь нельзя ни с того ни с сего пускаться в разъяснения, ведь людям нужна тишина. Я пытаюсь донести до Красавчика, что он мне интересен лишь в качестве прообраза персонажа, но такое слишком сложно передать жестами. Он лишь сильнее удивляется.

Девушка с Фрейдом мягко смеется. Теперь и Героический Подбородок отвлекся от своей книги, и вот мы вчетвером молча глядим друг на друга без возможности извиниться или объясниться, не навлекая на себя гнев библиотечарей.

Вдруг раздается крик. Резкий и испуганный. После него секунду висит тишина, и мы наконец сообщаем, что библиотечные правила больше не работают.

— Черт! Что это было? — бормочет Героический Подбородок.

— Откуда кричали? — Девушка с Фрейдом встает и оглядывается.

Люди начинают собирать вещи. В зал входят два охранника и просят сохранять спокойствие и оставаться на местах, пока во всем не разберутся. Какой-то студент-юрист начинает распинаться о незаконном задержании, но в целом люди просто садятся и ждут.

— Наверняка это просто паук, — говорит Героический Подбородок. — Мой сожитель так же кричит, когда их видит.

— Кричала женщина, — замечает Девушка с Фрейдом.

— Или мужчина, который очень боится пауков... — Героический Подбородок озирается по сторонам, словно ожидая увидеть своего приятеля-арахнофоба.

— Прошу прощения, что смотрел на вас так пристально, — осторожно обращается ко мне Красавчик. Я успела послушаться американских акцентов, поэтому сразу определила, что он не из Бостона. — Мой редактор хочет, чтобы я включал в свои работы побольше описаний. — Он морщится. — Говорит, женщины в моих текстах носят одинаковую одежду, и я подумал... Черт, звучит странно, простите! Я пытался описать вашу куртку.

Я с облегчением улыбаюсь. Он пытается взять вину на себя. Отвечу ему любезностью.

— Она из твида в елочку, изначально мужская спортивная куртка, которую я приобрела в винтажном магазине и немного переделала у портного, чтобы не выглядеть в ней нелепо. — Я ловлю его взгляд. — Надеюсь, вы не напишете, что я выгляжу смешно.

На мгновение он смущается:

— Нет, уверяю вас... — Затем понимает, что я пошутила, и смеется. Смех у него приятный. Бархатный, негромкий. — Каин Маклеод.

Я не сразу соображаю, что он сообщил мне свое имя. Нужно ответить взаимностью.

— Уинифред Кинкейд. Можно просто Фредди.

— Она тоже писатель. — Девушка с Фрейдом заглядывает в мою записную книжку. — Делала о нас заметки.

Черт!

Она ухмыляется.

— «Девушка с Фрейдом»... Мне нравится. Лучше, чем Тату-Руки или Кольцо в Носу.

Я резко закрываю записную книжку.

— Супер! — Героический Подбородок поворачивается ко мне в профиль. — Надеюсь, вы описали мою хорошую сторону, а еще... — он улыбается, — у меня ямочки на щеках.

Красавчику, теперь известному также как Каин Маклеод, явно весело.

— Какое совпадение. Вам двоим нужно осторожнее выбирать места в библиотеке.

— Я Мэриголд Анастас, — заявляет Девушка с Фрейдом. — Не забудьте указать в благодарностях. А-нас-тас.

Не желая отставать, Героический Подбородок представляется Уитом Меттерсом и обещает подать на меня с Каином Маклеодом в суд, если мы забудем упомянуть его ямочки.

Мы смеемся, а охранники тем временем объявляют, что все, кто хотел уходить, могут это сделать.

— Вы узнали, кто кричал? — спрашивает Каин.

Охранник пожимает плечами:

— Да кретин какой-то, наверное. Решил пошутить.

Уит чинно кивает и произносит одними губами «паук».

Каин поднимает бровь.

— Звучало убедительно, — тихо произносит он.

И он прав. В голосе кричавшего слышался неподдельный страх. Но может, я просто приукрашиваю. Возможно, кто-то просто выбрал нестандартный способ избавиться от стресса.

— Пойду найду кофе.

— Ближе всего в Чайной гостиной Комнаты карт, — говорит Каин. — Там неплохой кофе.

— Уходите на поиски других подопытных? — спрашивает Мэриголд. Теперь, когда ее татуировки прикрыты рукавами, я замечая, какие красивые у нее глаза: изумрудно-зеленые, выгодно подчеркнутые темными тенями и тушью.

— Нет, просто за кофе, — отвечаю я за себя и за Каина, потому что не знаю, к кому именно она обращалась.

— Можно с вами?

Вопрос был задан с такой детской простодушностью, что я не могла отказать.

— Конечно.

— А меня возьмете? — теперь Уит. — Не хочу оставаться один. Здесь где-то прячется паук.

И мы уходим в Комнату карт, где позже зародится наша дружба, а я впервые в жизни выпью кофе с убийцей.

Дорогая Ханна!

Браво! Драматичное, интригующее начало. Ты превратила мои жалобы в произведение искусства. От последней строки мурашки по коже. Она непременно зацепит читателя. Боюсь,

правда, что издатель попросит тебя поставить эту строку в самое начало, чтобы заинтриговать всех любопытных. Могу сказать лишь одно: сопротивляйся! Сейчас идеально.

Правда, насколько эта строка гениальная, настолько же она и смелая. Помни, что ты бросаешь читателям вызов — заявляла, что кто-то из этой троицы (Мэриголд, Уит или Каин) окажется убийцей. Теперь за ними будут пристально следить и придираться к каждой мелочи. Будет сложнее отвлечь читателей от улик, сложнее заставить их сомневаться. Но и есть что посмаковать, особенно утихивая, какие у персонажей привлекательные характеры. Как я и сказал, смело.

Могу ли я надеяться, что, раз действие происходит в Бостоне, ты посетишь нас с исследовательской поездкой? Будет здорово пострадать ради искусства за бокальчиком martinis лицом к лицу! Пока же могу посодействовать с проработкой чувства места и всем таким прочим. Считаю меня своим разведчиком, глазами и ушами в Соединенных Штатах.

Несколько замечаний: американцы не используют термин «джермпер» (описание Красавчика). Лучше поменять на свитер или пуловер. Также женщины в Штатах не так сильно татуированы, как женщины в Австралии. Я ни разу не видел у женщин забытые рукава. Конечно, это не значит, что у Мэриголд их не может быть. Возможно, как раз поэтому Уинифред и обращает на нее внимание.

Я вернулся в читальный зал после того, как получил твое письмо и новую главу, и, боюсь, там нет строгого правила о молчании. Это скорее делается из вежливости. Легко исправить. Добавь парочку шикающих посетителей за соседним столом, и персонажи все так же будут поблаиваться разговаривать. Я победил в Комнате карт, так что, если тебе нужны детали, обращайся. Как австралийке, полагаю, кофре тебе не

понравится из принципа, но раз Унифред американка, ей не к чему будет придураться.

Нужно ли тебе придумать, где Фредди будет жить? Если с деньгами у нее нет проблем, можешь поселить ее в Бэк-Бей, как раз по соседству с библиотекой. Большинство квартир располагаются в викторианских браунстоунах, но Фредди нужно быть богатой наследницей, чтобы позволить себе такие апартаменты! Кто она — «голодная художница» или всемирно известный автор? Если первое, то, скорее всего, она живет где-то в Брайтоне или Олстоне. Напиши, если нужно оценить какие-нибудь места.

Вчера я получил свой десятый отказ. Как будто бы хочется отметить. Может, куплю торт. Пишут, что слог элегантный, но им показалось, что я работаю не в том жанре. Видимо, это вежливый способ намекнуть, что им больше подойдет главный герой — вампир, а в финале должны напасть инопланетяне.

Я знаю, Ханна, что постоянные отказы — это своеобразный обряд посвящения, но, честно говоря, мне все равно больно. Не знаю, есть ли во мне стойкость, необходимая для этой профессии. Как, должно быть, приятно добраться до того этапа, когда ты можешь написать все, что душа захочет, и быть при этом уверенным, что издатели как минимум серьезно рассмотрят твою работу. Мой же этап ощущается как ритуальное унижение.

Твой несколько подавленный
Лео